

УДК 81'255

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ПЕРЕВОДА ОТРЫВКА
ИЗ «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА (XIV В.)
НА БЕЛОРУССКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ**

А.А. Смулькевич

*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой
Новополоцк, Республика Беларусь, a.smulkevich@psu.by*

В данной статье представлен анализ воспроизведения прагматического потенциала и достижения дополнительных «сверхзадач» при переводе среднеанглийского текста на русский и белорусский языки. Исследование приводит к заключению о достаточно высокой прагматической ценности как русского, так и белорусского перевода.

Ключевые слова: прагматика; прагматическая ценность; приёмы; трансформации; единица перевода.

Целью любого перевода как коммуникативного акта является воспроизведение прагматического потенциала оригинала, который определяется доминантной функцией исходного текста. Относительно художественного и, особенно, поэтического перевода следует говорить о решении переводчиком прагматической «сверхзадачи», т.е. соответствии перевода и дополнительным задачам: «Существование прагматической сверхзадачи во многом определяет и оценку результатов переводческого процесса. В этом случае перевод оценивается не только и не столько по степени верности оригиналу, сколько по тому, насколько текст перевода соответствует тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода. Степень этого соответствия называется прагматической ценностью перевода» [1, с. 222].

Для поэтического текста О.В. Петрова определяет следующие дополнительные функции: воссоздание системы образов и ассоциаций, стихотворной формы и размера, передача национального и авторского поэтического мышления [2, с. 472]. При диахроническом переводе добавляется и такая задача для переводчика, как адаптация дистанцированного во времени текста. Как замечает Н.В. Шамова, временная дистанция «влияет на творческие цели переводчика и языковые особенности переводного текста» [6, с. 83]. По уровню сложности и многозадачности для анализа в данном исследовании подходит перевод текста XIV века Джефри Чосера – отрывок из Общего пролога «Кентерберийских рассказов» – на русский язык (И.А. Кашкина²⁹, 312 строк [4, с. 45-54]) и белорусский язык (С.Л. Дорского³⁰ [3, с. 324], 32 строки; А.Ф. Брыля³¹ [5], 312 строк).

Цель настоящей статьи заключается в оценке прагматической ценности обозначенных переводов посредством изучения передачи переводчиками прагматического потенциала (воспроизведение поэтической функции) и выполнения «сверхзадачи». В анализируемом тексте трудности заключаются в передаче таких его аспектов, как стихотворный размер; лексическая и стилистическая эквивалентность содержания и образной системы; передача культурно-исторического контекста.

Исходный текст написан героическим куплетом, строки состоят из пяти стоп, десяти слогов, парно рифмуются (например: табл. 1). Сохранить такой размер получается у всех переводчиков с небольшими отклонениями: количество стоп в переводных строках уменьшается на одну-две, наибольший диапазон слогов от 10 до 13 у С.Л. Дорского, остальные придерживаются постоянного количества слогов 11. Такие незначительные отклонения не отяжеляют строку при чтении.

²⁹ Иван Александрович Кашкин (1899 – 1963) – советский переводчик, [литературовед](#), критик и теоретик художественного перевода, поэт.

³⁰ Семён Львович Дорский (1920 – 1992) – советский переводчик и преподаватель высшей школы.

³¹ Антон Франтишек Брыль (род. 1982) – белорусский переводчик и поэт. В 2013 перевел «Поэму о Беовульфе» на белорусский язык.

Таблица 1. – Количество ударных слогов в строках

Оригинал	Перевод И.А. Кашкина	Перевод С.Л. Дорского	Перевод А.Ф. Брыля
Whan that Aprīl with his showres soote The drought of March hath perced to the roote And bathed every vein in swich licour, Of which vertu engendred is the flowr... [7]	Когда Апрель обильными до- ждями Разрыхлил землю, взрытую ростками, И, мартовскую жажду утоля, От корня до зеле- ного стебля... [4]	Калі ў красавіку дажджы і наваль- ніцы Напоцяць глебу, як бруістыя крыніцы, І ў жылку кожную нальцеца шчодро сок, З якога родзяцца і кветка, і лісток... [3]	Калі дажджамі красавік вясе́лы Да каранёў працяў сухі́я до́лы Ды напаіў іх віль- га́ццю, якая Паўсю́ль на дрэ́вах кветкі распус́кае... [5]

Во времена Д. Чосера английская система стихосложения была достаточно гибкой: ударение в словах, особенно романского происхождения, которые преимущественно располагали в конце строк, было еще нефиксированным, его «подгоняли» под рифму³²; озвучивание «немого» -е также позволяло легко подобрать рифму³³[8].

Для того, чтобы добиться постоянного количества слогов в строке и подобрать рифму переводчики прибегали к приемам добавления, опущения, перемещения (например: табл. 2). Самыми распространенными трансформациями являются **генерализация** (И.А. Кашкин, А.Ф. Брыль), **контекстуальная замена** (С.Л. Дорский, А.Ф. Брыль), **антонимический перевод** (И.А. Кашкин).

Свободное обращение с лексической составляющей с помощью приемов добавления, опущения и перемещения не выносит значение оригинального текста за рамки его семантического поля, но позволяет сохранить размер, рифму и обогащает образную систему, позволяет полнее ее раскрыть, хотя и свидетельствует в пользу того факта, что единицей перевода поэтического текста являются более длинные отрезки, нежели отдельные предложения. Так, единицы перевода у И.А. Кашкина более крупные, чем у переводчиков на белорусский язык (например: табл. 2).

³² The accentuation of the newly introduced Romanic words thus being in a vacillating state, we easily see how the poets writing at that period in foreign even-beat rhythms, of whom Chaucer may serve as a representative, could use those words with whichever accentuation best suited their need at the moment, admitting the Romanic accentuation chiefly in rhymes, where it afforded hem great facilities, and the usual Germanic accentuation mostly in the interior of the line [8, p.141].

³³ But in the later poetry of the North, which was largely under the influence of southern English models, chiefly of Chaucer, many inflexional endings, especially various kinds of final -e, have a metrical value [8, p.133].

Таблица 2. – Единица перевода, приемы и трансформации

Оригинал	Перевод И.А. Кашкина	Перевод С.Л. Дорского	Перевод А.Ф. Брыля
...When Zephyrus, eek, with his sweete breeth Inspired hath in every holt and heeth The tendre croppes, and the younge sunne Hath in the Ram his halve course y- runne, And <i>smale</i> fowles maken melodye That sleepe all the night with open ye (So pricketh hem <i>Nature</i> in his cor- ages), Than longen folk to goon on pilgrimag- es And palmers for to seeken straunge strondes To ferne halwes, kouth in sundry londes: And specially, from every shires ende...[7]	...<u>Набухли жилки</u> <u>той весенней си-</u> <u>лой,</u> Что в каждой ро- ще почки распу- стила, А солнце юное в своем пути Весь знак Овна сумело обойти, И, ни на миг в но- чи не засыпая, Без умолку звене- ли птичьи стаи, Так сердце им <u>встревожил зов</u> <u>весны,</u> Тогда <u>со всех кон-</u> <u>цов родной стра-</u> <u>ны</u> Паломников <u>бес-</u> <u>счетных</u> вереницы <u>Мошам</u> заморским снова <u>поклониться</u> Стремилась <u>исто-</u> <u>во...</u>[4]	...Калі зефіра лас- кавы павеў Абудзіць у сцяб- лінках верасу і дрэў Жывую завязь, і ўжо сонца маладое Палову Оўна пройдзе <u>жваваю</u> хадою, І нават уначы вачэй не закры- ваюць – Тады ў па- ломніцтва пуска- ецца народ; Ідуць паломнікі ў свяшчэнныя мясціны, Якімі славяцца за- морскія краіны, А больш з далёкіх <u>графстваў,</u> са <u>сталіцы...</u>[3]	...Калі зефір лас- кавасцю сваёю Травінкі ўсе кра- нуў, а маладое Ў нябёсах сонца, <u>круг пачаўшы но-</u> <u>вы,</u> Знак Барана прайшло ўжо да паловы, <u>А птушкам сіл</u> <u>Прырода надае</u> І ўдзень і ўноч, і кожная пая Па песні песню <u>звонка, без за-</u> <u>трымкі</u> – Тады спяшаюць людзі ў пілігрым- кі, У шлях далёкі, каб святыні знай У нейкім краі <u>вы-</u> <u>казаць пашану.</u> Па Англіі ад заку- та любога...[5]

При передаче образов персонажей переводчики справились эквивалентно, опуская лишь незначительные детали. Например, А.Ф. Брыль не перевел такую важную для образа рыцаря характеристику, как невероятное для христианина количество сражений и стран, которые рыцарь посетил. Автор, подчеркивая дополнительно такое количество, обращает внимание читателя на гиперболизацию образа рыцаря, призывает критически его осмыслить. В русском переводе это уточнение сохранено («А мало кто – тому свидетель Бог – Из рыцарей тем похвалиться мог»). В белорусском переводе из образа кармелита исчезает его сравнение с носителем высокого церковного сана: из двух описаний «a maister or a pore» А.Ф. Брыль оставляет только «прафесар можны», И.А. Кашкин – «некий кардинал». Такую деталь в образе купца, как раздвоенная борода, которую носили представители буржуазии, не передали в обоих переводах. А это дополнительный эле-

мент внешнего вида купца, который таким образом стремился продемонстрировать свою важность.

Белорусские переводчики тяготеют к стратегии «доместикации»: А.Ф. Брыль и С.Л. Дорский используют разговорные, фольклорные слова (*зух* – удалец; *хаўрус* – группка; *мадам* Эглантину называют панной; *зарабіць бізуна* – схлопотать удар плеткой; *гостиницу* «Табард» называют корчмой (питейное заведение с ночлегом); *таверну* (постоялый двор: харчевня+комнаты) переводят как шинок (питейное заведение); важный вид монаха сравнивают с таковым у пана). И.А. Кашкин редко прибегал к таким приемам (некрещеных называет *басурманами*, использует устаревшее для «застежки» – *фермуар*), стремился к стратегии «форенизации»: *трактир*, *кармелит*, *епитимья*, *святой Элуа* (на французский манер, а у белорусского переводчика с латинского – *святой Элигий*), *Фома Бекет*.

В целом переводчикам удается достигнуть исторического правдоподобия, которое включает географические названия (Кентербери, Гранада, Турция и т.д., но трудность представляет перевод названия района Лондона *Southwerk: Соуерк, Сузварк, Садэрк*, ближе к правилам транслитерации оказался перевод А.Ф. Брыля) и реалии того времени (название одежды: дублет, фермуар; отражение модных тенденций во внешнем виде: длинные рукава короткого камзола; элементы физиогномики: белая шея и шепелявость кармелита намекали на его распутный характер; показатели социального статуса; на пирах рыцарь восседал вверху стола). Однако недостаточно ясно переданы такие средневековые реалии, как собрание юристов на паперти, так как в русскоязычной среде закрепилось значение просить милостыню, а «*Parvis*» в произведении Д. Чосера – крыльцо собора Св. Павла, место профессиональных встреч юристов. Также вместо конкретного названия музыкального инструмента ротта белорусский переводчик использует слово «*лира*», с которым он имеет сходство. И.А. Кашкин же пишет «*рота*». Неадекватно переведены и суды примирения: «*love-days*» не следует передавать калькированием («*суды любви*», «*дні любові*»), так как у читателя сложится неоднозначное представление, что кармелит разбирается только в делах любви.

Важной составляющей содержания Общего пролога является такой нарративный прием как присутствие явного повествователя, в роли которого выступает одноименный автору рассказчик, участвующий в событиях Пролога. Этот прием предназначен для создания большего правдоподобия и проявляется в использовании местоимения первого лица в клишированных фразах (например: табл. 3). В переводе И.А. Кашкина половина таких вводных конструкций опущена, для остальных преимущественно используется модуляция (№ 9), контекстуальная замена (№ 4, 6), синтаксическое уподобление (№ 4, 11), прием опущения и добавления (№ 3, 12). А.Ф. Брыль передал все эти фразы, в некоторых случаях прибегая к синтаксическому уподоблению (№ 2-5). Переводчик применил такие приемы, как опущение и добавление (№ 1, 4) и такие трансформации, как контекстуальная замена (№ 3 *продолжать – забавлять*; № 7 *я думаю – даю слово*, № 8 *насколько я знаю – и еще упомяну*, № 11 *не знаю – не помню*), модуляция (№ 6 *как мне кажется – несложно догадаться*, № 9, 10), грамматическая замена части речи (№ 5 *мне кажется – похоже*).

Таблица 3. – Отклонения от дословного перевода вводных конструкций

№	Оригинал	Перевод И.А. Кашкина	Перевод А.Ф. Брыля
1	as I you devise	-	<u>Не стану доўгім даку- чаць расказам</u>
2	while I have time and space	-	Але пакуль я маю месца й час
3	Ere that I ferther in this tale pace	<u>И вот, покуда скромный мой рассказ Еще не уто- мил ушей и глаз</u>	То перш, чым далей вершам <u>цешыць</u> вас
4	Me thinketh it accordant to resoun To telle you ...so as it seemed me	Мне кажется, что было бы уместно Вам рассказать все то, что мне <u>известно</u>	Разумна будзе <u>у ка- роткіх словах</u> Тут апісаць... І ўвогулле якім здаваўся мне
5	Of twenty yeer of age he was, I guesse	-	Год блізу дваццаці ён меў, <u>падобна</u>
6	A foster was he smoothly, as I guesse	Был лесником, <u>должно быть</u> , тот стрелок	Ляснік быў ёмэн, <u>адга- даць нацяжка</u>
7	I trowe	-	маё вам слова
8	as I was war	-	Ды яшчэ <u>згадаю</u>
9	And I said his opinion was good	<u>А я большой не вижу в том беды</u>	Я з ім <u>згаждуся</u> тут
10	I saw his sleeves	-	<u>вачам я ўласным веру</u>
11	I noot how men him calle	Не знаю, право, как его зовут	А зваўся ён ужо <u>не пом- ню</u> як
12	And he was not right fat, I undertake... [7]	И самого студента <u>было жалко</u> – Такой он был об- трепанный, убогий, Ху- дой...[4]	Ды што кажу – страхот- на быў худы... [5]

Таким образом в целом доминантная коммуникативная функция оригинального текста была эквивалентно и адекватно передана переводчиками. Два белорусских отрывка показали себя как перспективные начинания переводчиков. Прагматическую ценность белорусского и русского переводов можно обозначить как достаточно высокую, для достижения которой были допущены незначительные отклонения, требующиеся для сохранения стихотворной формы. И.А. Кашкин более свободно обращается с лексическим составом текста, принимая за единицу перевода крупные отрезки. Множественные опущения он компенсирует распространенными дополнительными характеристиками, логично вытекающими из оригинального текста. Белорусские переводчики ближе следуют за оригиналом, единицей перевода для них чаще выступает строка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. Сдобников, В. В. и др. Теория перевода (Коммуникативно-функциональный подход): учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных язы-

ков / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательство ВКН, 2019. – 512 с.

3. Судленкова, О.А. 100 писателей Великобритании / О.А. Судленкова, Л.П. Кортес. – Минск : Вышэйшая школа, 2020. – 367 с.

4. Чосер, Дж. Кентерберийские рассказы / Дж. Чосер. – М.: Эксмо, 2007. – 768 с.

5. Чосэр, Д. Кентэрберыйскія аповеды: Пралог (урывак) / Д. Чосэра // Пераклад А.Ф. Брыля. – URL: <https://prajdzisvet.org/texts/poetry/kenterberyijskiya-apovedyi-pralog.html> (дата обращения: 12.04.2026).

6. Шамова, Н.В. Диахронический перевод как адаптация текста, дистанцированного во времени / Н.В. Шамова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – № 2(1). – Киров, 2008. – С. 82–85.

7. Chaucer, G. The Canterbury Tales. A Selection / Geoffrey Chaucer. – Penguin Popular Classics. 1996. – 342 p.

8. Schipper, J. A History of English Versification / J.A. Schipper. – Oxford: The Clarendon Press, 1910. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/43352/43352-h/43352-h.htm#section154> (дата обращения: 02.05.2026).

**PRAGMATIC VALUE OF THE TRANSLATION OF GEOFFREY CHAUCER'S
THE CANTERBURY TALES FRAGMENT (XIV CENTURY)
INTO RUSSIAN AND BELARUSIAN**

A.A. Smulkevich

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk

Novopolotsk, Belarus, a.smulkevich@psu.by

The present article provides the analysis of pragmatic potential transfer and additional ‘supertask’ achieving in medieval English text translation into Russian and Belarusian languages. The research carried out brings to the conclusion that pragmatic value of both Russian and Belarusian translations is high enough.

Keywords: pragmatics; pragmatic value; techniques; transformations; translation unit.